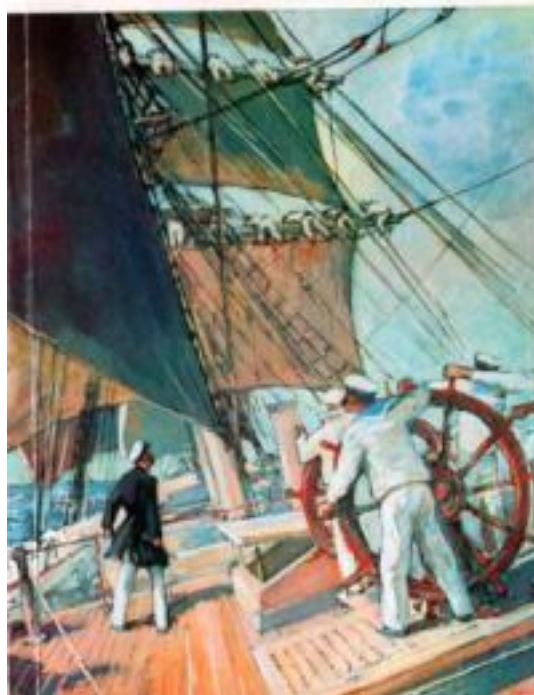

К.М.Станюкович

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

Отплата

«Public Domain»

1898

Станюкович К. М.

Отплата / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1898 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Константин Михайлович Станюкович

Отплата

(Рассказ старого матроса)

I

– Извольте знать, вашескобродие?

С этими словами старый отставной матрос Кирюшкин, с которым мы ранним августовским утром сидели на пеньках у опушки леса, разбирая только что собранные грибы, указал обрубленным указательным пальцем правой руки на старенького-престаренького отставного адмирала, ковьялявшего, опираясь на палку, по дороге из Кронштадтской колонии в деревню Венки.

– Видать видал; он в колонии на даче живет; а не знаю! – ответил я.

– Это – Никандра Петрович Быстров. Слыхали, конечно?

– Не слыхал.

– Про Никандру Петровича не слыхали, вашескобродие?! – изумленно спросил Кирюшкин.

– То-то не слыхал.

– Довольно-таки диковинно, что не слыхали. Сами изволили служить во флоте и не знаете Никандры Петровича!

И, словно бы недовольный, что я не знаю Никандра Петровича, старый матрос пожал плечами, отчего дыра на его неопределенного цвета ветхом легоньком пальтеце обозначилась яснее, и покачал головой, на которой была матросская фуражка, тоже давно потерявшая свой прежний черный цвет и сделавшаяся рыжеватой. Сбитая на затылок, она оставляла открытым морщинистый пожелтевший лоб и часть белой головы.

– Чем же замечателен ваш Никандр Петрович?

– Очень даже замечателен, если угодно знать. Всякий старый матрос хорошо его помнит. Теперь, конечно, ежели по чести разобрать, что в нем? Одни, с позволения сказать, завалиющие кости да шкура. Высох Никандра Петрович, вроде будто египетской муми... Вылез вот на солнышко, словно ящер из-под камня, у смерти отсрочки просит... Ему ведь, вашескобродие, что и мне, к девятому десятку подходит, и давно нам с ним на том свете паек идет. Пожалуйте, мол, такие-сякие, на разделку. И ты, ваше присходительство Никандра Петрович! И ты, отставной матрос первой статьи, бродяжка и пьяница, Андрейка Кирюшкин!.. Вот теперь что... А прежде, этак лет сорок тому назад, Никандра Петрович на весь балтинский флот гремел...

– Чем же?

– Боем и шлифовкой. Первый по зверству капитан был! – не без некоторой торжественности произнес старик.

Признаюсь, я никак не ожидал, что речь будет о такого рода знаменитости. Удивило меня еще и то, что Кирюшкин, не жалеющий обыкновенно довольно энергичных эпитетов при воспоминаниях о некоторых командирах, с которыми служил и которые далеко не гремели на весь флот, подобно Никандру Петровичу, говорил об этом последнем без порицания.

Напротив, в тоне старческого, разбитого голоса Кирюшкина звучали как бы почтение и любовь к человеку, даже прославившемуся боем и «шлифовкой».

– Ну, Дмитрич, немного же замечательного в Никандре Петровиче!

– То-то очень даже много, вашескобродие...

– В том, что шлифовал?..

– Вы прежде извольте дослушать, тогда и спорьте, вашескобродие... В том и диковина, что этот самый Никандра Петрович сделался совсем другим, самым жалостливым, можно сказать, командиром.

– Ну?! – недоверчиво протянул я.

– Ни – не ну, а на моих глазах все это было. Когда я с им на «Дромахе»¹ на конверте в дальнюю ходил.

– Как же это случилось?

– Один матросик его выправил.

– Выправил? Расскажите, Дмитрич. Это любопытно.

– Еще бы не любопытно... Бывает, значит, с людьми это самое! – раздумчиво промолвил старик матрос.

– Редко только, Дмитрич.

– Редко, а бывает. Человек, примерно, и бога забыл, и совесть забыл, а придет такой час, и вдруг вроде будто все по-новому обернулось... А я так полагаю, по своему рассудку, вашескобродие, что всякому человеку, самому последнему, дадена совесть... Только не всегда такой случай выйдет, что она проснется и зазрит человека. Как об этом в науках пишут, вашескобродие?

– Пишут, что трудное это дело – перемениться в известные годы...

– То-то трудное, а Никандра Петрович вовсе переменился, – дай бог ему легко смерть принять. Я по себе знаю, какое это трудное дело, примерно, от водки отстать. Прямо-таки нету сил моего карахтера. Помните, вашескобродие, еще когда мы с вами на «Коршуне» взаграницу ходили, я был, можно сказать, как есть отчаянный пьяница?

– Как не помнить...

– И если миловали меня за пропой казенных вещей, то потому, что командир «Коршуна» прямо-таки добреющий человек был и почитал во мне хорошего марсового... Небось был марсовым, вашескобродие! – не без удовлетворенного чувства вспомнил старик.

Действительно, Кирюшкин был лучшим матросом на «Коршуне», отличался необыкновенной смелостью и притом был на редкость добрый человек, общительного и веселого характера, пользующийся общей любовью команды. И если б не его слабость напиваться мертвецки на берегу, пропивая все, что на нем бывало, то, конечно, он на службе был бы унтер-офицером и не был бы под конец жизни бездомным пьянчужкой, с трудом зарабатывавшим в Кронштадте на свое пропитание... По зимам он ходил в факельщиках, а летом занимался грибами.

---

¹ «Андромаха». (Примеч. автора.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.